

ПРЕДИСЛОВИЕ

Да, как уже сказал в аннотации, это ужастик, но ужастик совсем другого вида и рода, чем страшилки ушедшего века и авторов прошлого мира. Я брезгаю картонными схемами и никогда не опущусь — я же эстет, мадам! — до описания вставших из могил мертвецов, зомби, вампиров, будь это в Средневековье или в современной Москве. Или там мерзких червей, что по ночам заползают в уши, бр-р-р, как ужасно, ужасно!

Мы вступаем... нет, нас стремительно вносит в новую эпоху, что может оказаться невероятно, ну просто неслыханно прекрасной!

А может, если прохлопаем ушами, с точностью до наоборот. И тогда вставшие из могил мертвецы покажутся добрыми плюшевыми мишками.

Собственно, разъяснять, что за роман и о чем он, не буду, да и никогда этого не делал. Прочтете, поймете. Хочу сказать несколько слов совсем о другом.

Орков придумал Толкиен. И вот целая толпа пишет фанфики про орков. Никто даже не попытается придумать хотя бы другой вид или расу, просто берут готовых орков и пишут либо о них, либо берут их в качестве злобных сил, с которыми борется главный герой. Ни проблеска собственной мысли, ни единой попытки что-то придумать. Перекладывают кубики с кусками текста и называют это творчеством.

И это в наше время, когда всем нам, или почти всем, предстоит войти в сингулярность или... остаться за ее порогом! Не секрет и то, что в инете немалую долю отзывов о вышедших книгах оставляют не столько читатели, как менее удачливые авторы. Чаще всего это оркописцы, которым только и остается, что попытаться хотя бы негативным откликом снизить успех конкурента. Ну, что делать, такова человеческая натура... Надеюсь, при переходе в сингулярность эту «чиста челове-

скую черту» вычеркнем на фиг. Пусть все это «богатство человеческой натуры» остается здесь, среди людей.

Обычно трудно возразить что-то против новизны идеи или темы, которой никто, оказывается, не касался, зато можно сказать, что в литературном плане — полная фигня, в детский сад, Бобруйск, афтар убейся ап стену. Прием безошибочный, о любом авторе и любом произведении действительно так сказать можно, и никогда не промахнешься. Любого можно править и править, потому человек, который свысока роняет, что идея — ерунда, это не главное, а главное — литературное исполнение, может новичка, свято верящего печатному слову даже в инете — есть и такие наивные!!! — толкнуть на неверное понимание роли литературы.

К счастью, в массе читателей психически здоров, голосует рублем, что выражается в тиражах, в то время как безукоризненно вылизанные и обвешенные всеми мыслимыми литературными премиями вещи выходят один раз малым тиражом и на этом благополучно склеивают лапы. То есть вообще-то все путем, но и мелкие камешки на пути прогресса раздражают, если их можно убрать.

Нам всем жить в таком невероятном будущем, которое сейчас даже нам, передовым и продвинутым, кажется невыносимым. Посмотрите энфэшные фильмы прошлых лет! В рубках суперзвездолетов допотопные телефоны с проводами: до мобильников никто из создателей фильмов не додумался. На нашем веку появились видеомангофоны, пейджеры, стримеры — успели устареть и уйти в утиль. Скоро сдадим в утиль мобильники, компьютеры и проигрыватели дисков... а что придет взамен? Что резко изменит нашу жизнь? А ведь придет и очень резко изменит. Кто бы мог подумать даже лет десять тому, что человек, выходя из дома без мобильного, будет чувствовать себя таким беспомощным, что ну просто инвалид!

Какая будет мораль и какими станут взаимоотношения? Идиотов, уверяющих, что в плане морали ничего не меняется со времен Древнего Египта, — в бобруйский заповедник. Только на моей жизни мораль изменилась так, что мама не горюй, а сейчас изменения резко ускорились.

Старые романы о будущем было читать не так уж интерес-

СИНГОМЭЙКЕРЫ

но, там мир, где будет жить внуки наших внуков. Мне, как и любому, интереснее прочесть, что будет со мной и как это коснется моего огорода. Так вот большинство специалистов утверждают, что в 2030 году достигнем бессмертия, человеческое тело можно будет перестраивать как хочешь тут же в своей квартире по своему желанию... и пр., пр., пр. Так что не будут, ну не будут в 100 000-м веке летать на звездолетах и стрелять друг в друга из пушек! Даже из лазерных.

Но 2030-й, год предполагаемой сингулярности, — это время, в котором жить нам... или вам, а не праправнукам, как по-человечески думается. Это — вызов и... жестокий год отбора.

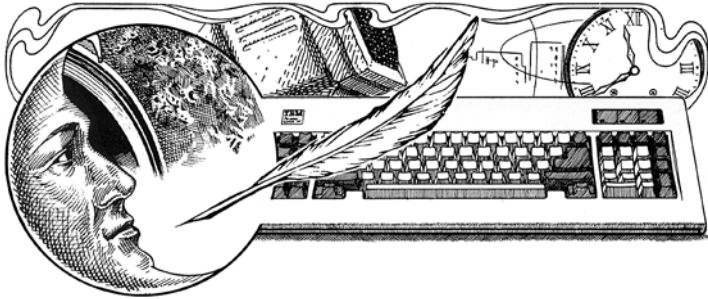
Вы лично хотите войти в мир будущего или остаться?

Дело в том, что это сейчас прогресс тащит всех, не спрашивая. Но при нынешнем постоянном ускорении скоро придет миг настолько резкого скачка, что всех тащить просто не сможет. Лишь каждый в отдельности и осознанно войдет в непривычный и незнакомый мир Сингулярности. Или... останется в нашей привычности.

Вы что выбираете?

Разговоры об этой книге и Сингулярности вообще идут здесь:

<http://transchelovek.ru/forum/0-0-1-34>

Часть I

ГЛАВА 1

Теряя работу, остро чувствуешь беспомощность и даже страх перед жизнерадостным, но равнодушным лично к тебе миром.

Подписав обходной листок, я получил расчетные деньги и, не прощаясь с коллегами, став меньше ростом и невольно ссутулив плечи, поторопился к выходу. Все вокруг как будто укрупнилось, все теперь выше рангом и сортностью, вчерашние мои сотрудники спокойно разгуливают по коридорам, торчат в курилке, абсолютно уверенные в завтрашнем дне, никто не чувствует себя так гадко, как я.

С тянущей пустотой под ложечкой, будто иду по краю пропасти, а впереди дорога еще опаснее, я дотащился до троллейбусной остановки. Ждать пришлось долго, к тому же переполнен, люди на подножках, кто-то пытается выйти, зло пихается, но я втиснулся, а там в бестолковой толчее перетерпел восемь пролетов. На предпоследней остановке можно было бы даже сесть, но я никогда не сажусь: ненавижу вскакивать перед входящими наглыми бабищами, что сразу требуют, чтобы им уступили место, эти бомбовозы, видите ли, женщины!

Живу в однокомнатной, кошки или собаки нет, даже рыбок не завел, из живности иногда появляются женщины, но лучше бы уж рыбок. Впервые захотелось упасть на диван и предаться отчаянному самокопанию: ну почему я не такой, как все? Ну потребовал академик Кокошин, чтобы я делал работу о каких-то чертовых аптеках, про их веру в полезность массовых

человеческих жертвоприношений для урожая, ну и фиг с ним, сделал бы. Тем более что эту теорию и выдвинул сам Кokoшин, он ее всячески пропагандирует и мою работу оценил бы высоко, помог бы продвинуться, а к жалованью с его помощью добавилось бы еще долларов пятьдесят-восемьдесят...

Я обнаружил, что хотя только что вроде бы зашел в квартиру, но уже сижу перед экраном, курсор прыгает по иконкам, открывая страницы, располагая в отдельных окнах, так же произвольно из-за этих чертовых гиперссылок влезаю все глубже и глубже. В холодильнике пусто, помню, а сейчас конец рабочего дня, будет час пик, после которого даже в «приличных» магазинах будут очереди, которые ненавижу...

Прозвенел мобильник, я машинально нащупал похожую на мышонка коробочку на столе.

— Алло?

На экранчике появилось лицо Петра, одного из случайных приятелей, с которым сошлись на почве общей неустроенности в личной жизни.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил я нехотя.

— Ты где?.. — спросил он.

Я поднял мобильник над головой и медленно покрутил кистью, чтобы не рассказывать, что я в инете, один и никакая подружка не сидит у меня на коленях.

Он охнул с явным огорчением:

— Вижу, один. Дома? И опять за компом?

— Ну да.

— Эх, — сказал он печально, — что ж так?

— А что не так? — отпарировал я.

— Ну, я думал, ты с девочкой... А она пригласила бы подружку...

— Не до них, — ответил я, — работа и еще раз работа, как сказал Генри Форд. Или Томас Мор, не помню.

Он хохотнул.

— Это сказал Черчилль. Ладно, не засиживайся слишком. Не забывай, годы идут. Скоро импотентами станем...

— Надеюсь, не скоро, — ответил я недовольно.

Он хохотнул и отключился, все-таки настроение подпор-

тив еще больше. Мне двадцать восемь, мои сверстники уже почти все женаты. А некоторые по второму или третьему разу. У меня же только один брак за спиной, что распался тихо и мирно, когда оказалось, что быстрое восхождение к научным степеням не дает ощутимой добавки в бумажнике.

С великим трудом заставил себя оторваться от экрана. В холодильнике в самом деле не просто пусто, а крайне пусто. Пусто — это когда заполнено на треть, а когда как у меня, то вообще и слова в русском языке такого нет, кроме тех, что раньше в седую старину писали на заборах, а теперь, за отсутствием заборов, — на стенах лифтов и в подъезде.

Есть категория людей, что в магазинах не смотрят на ценники, просто берут нужный товар в необходимом количестве и топают к кассе, я же и раньше трусливо прикидывал: уложусь или не уложусь в захваченную из дома сумму. Сегодня я прошел мимо «престижного» магазина, который на самом деле просто средний по цене и качеству товаров, там дальше супермаркет для таких, кто считает каждую копейку. Теперь к ним принадлежу и я, пока не отыщу новую работу. Хоть какую.

В этом магазине народу полно, в кассе очереди. Сразу вспомнилось недоброе время авторитарного режима, я застал еще ну совсем мелким, помню пустые полки и очереди, очереди. Сейчас полки не пустые, но товар в этом магазине в основном с подходящим к концу сроком годности, который изымают из продажи в других магазинах и, резко снизив цену, передают сюда. А здесь пенсионеры берут, справедливо полагая, что вещь не обязательно ломается на второй день после окончания срока гарантии, а молоко не скисает сразу же после указанного срока.

Я натерпелся стыда, выстояв среди стариков и старух, все время понимал, что смотрят осуждающе. Молодые теперь должны уметь зарабатывать, а если отовариваюсь в таком магазине, то ни одна женщина не посмотрит в мою сторону. Это хуже, чем алкоголик, тот может быть и хорошо зарабатывающим, а когда вот такой никчемный...

Вернулся угнетенный и, хотя адски хотелось есть, перегрузил из пакетов в холодильник. По экрану компа чередой проходят красотки скринсейвера, вот еще одна забота: теперь, вы-

ходя из дома, придется выключать. Инет у меня анлимный, но за электричество платить надо. Это раньше я пренебрегал таким пустяком: на рубль больше — на рубль меньше, да ерунда, а теперь, когда придется растягивать даже не рубли, а копейки...

И снова я поймал себя на том, что уже сижу перед экраном, курсор как будто сам по себе щелкает по всплывающим ссылкам. Я вроде бы не комповый нарк, просто инет мне всегда помогал в работе, а также давал все развлечения, какие душе потребно. А сейчас дает успокоение...

Рядом на окне почудилось некое шевеление. Я скосил глаза в ту сторону и охнул. Прошлой осенью в раскрытое окно заползла ядовито-желтая гусеница, начала взбираться по стеклу, но двигалась все медленнее, наконец не смогла бороться с дремотой и заснула, окуклившись на стыке стекла и деревянной рамы.

Я тогда еще потрогал пальцем, намереваясь скovyрнуть и выбросить, но блестящий, как пуля, кокон крепко прилеплен липкими нитями, готов выдержать дождь, ветер, даже снег и мороз, но, конечно, не успевший учесть возможности опередившего всех зверей человека.

Перезимовав, блестящая шкура подсохла, я уже думал, что погибла, в комнате воздух сухой, а за эти месяцы потеря влаги должна быть смертельной, но сейчас вот кокон потрескался, как весенний лед на реке, готовясь к ледоходу, даже начинает шевелиться...

Оставив комп, я с удивлением смотрел, как в одну из трещин просунулась тонкая лапка. На экране что-то мелькает новое, но я не мог оторваться от зрелища, как с невероятным трудом, часто останавливаясь на короткий отдых, слабенькое существо упорно пытается выбраться наружу. В другую щель высунулись усики с шариками на кончиках, пока что вялые, согнувшиеся под собственной тяжестью, но медленно наполняющиеся кровью.

Наконец бесконечно слабая бабочка взломала остатки истончившегося хитина и выползла из неопрятного кокона. На спине нечто вроде грязного мешка, но я почти видел, как работает крохотное сердце, нагнетая в кровеносные сосуды кровь.

Хлам на спине зашевелился, начал распрямляться, распался на две мятые изжеванные кучи. Обе, по мере поступления крови в прожилки, медленно принимали форму пока что скомканных крыльев.

Потом новорожденная бабочка несколько минут просто сидела, робко двигая все больше выпрямляющимися крыльями. То ли обсыхает и дает новой коже затвердеть под действием воздуха, то ли еще не верит, что у нее отросло такое, которым еще надо научиться пользоваться. Я потерял терпение, повернулся к дисплею, но иногда поглядывал на нее поверх рамки экрана. Едва не проворонил момент, когда она поползла вверх по стеклу, волоча брюшко, неумело взмахнула крыльями, пробуя сопротивление воздуха, для нее он такой же плотный, как для меня вода, взмахнула еще пару раз и... свалилась на подоконник.

Я с сочувствием наблюдал, как барахтается на боку, тонкие лапки беспомощно хватают воздух, не выдержал и осторожно поддержал ее кончиком пальца. После третьей или четвертой попытки она сумела все-таки взлететь, начала биться о стекло, и тогда я распахнул окно. Накопленный гусеницей жирок заканчивается, ей нужно срочно найти еду...

А мир велик и непонятен, совсем не тот, каким знала гусеницей. Я тяжело вздохнул, возвращаясь в свой жуткий и очень негостеприимный мир, а пальцы сразу нащупали грызуна и щелчком открыли необъятную панораму инета.

Я успел подумать, что успокоение — это в данном случае хреново, инет служит заменой бутылке водки, а результат тот же: забыться и уйти из этого жестокого мира, где не ценят, не понимают, топчут грязными копытами, совсем озверели... но тихонько зазвенело, я привычно открыл окошко аськи, потом посмотрел на скэйп и лишь затем сообразил, что звонит допотопный телефон, стационарный, таким пользовался еще дедушка Ленин.

— Алло?

На том конце приятный женский голос произнес:

— Господин Черкаш? Минутку, соединяю.

Несколько секунд я слышал только шорох, затем густой

сильный голос уверенного в себе человека прозвучал так, словно он сидит рядом:

— Господин Юджин Черкаш?.. Это Эдуард Кронберг, слушающий некой благотворительной фирмы. Я как-то года три тому прочел одну из ваших работ. Там было о необходимости освобождения рабов в Древнем Риме. Очень понравилось...

— Чем? — поинтересовался я невольно. Всегда льстит, когда работы, рассчитанные на узких специалистов, читает кто-то из тех, на кого не надеялся. — Вы историк?

— Не совсем историк, хотя близко... Понравилось, как четко и уверенно вы доказали, что освобождение рабов в Риме, Греции и вообще в мире, вплоть до Штатов, было вызвано чисто экономическими задачами, а вовсе не гуманитарными. И что никто бы их не стал освобождать, если бы из свободных людей не додумались выжимать больше прибыли, чем из рабов, ха-ха!

Я невольно кивал, в своих работах в самом деле объяснял очевидную для меня истину, но непонятную абсолютному большинству, что рабский труд на самом деле очень непроизводителен: на прокорм раба уходит почти столько, сколько он зарабатывает, а о свободном можно не заботиться, это его проблемы, как не откинуть копыта. И в Штатах отменили рабство потому, что на Севере свободные люди трудились куда каторжнее и давали больше прибыли, чем на рабском Юге. И потому СССР отстал в экономическом соревновании, что человек был фактически рабом у хозяина-государства, и вот даже теперь, через двадцать лет после крушения СССР, осталась привычка работать кое-как, часто отдыхать, по любому поводу праздновать по несколько дней — ни в одной стране мира нет столько праздников с нерабочими днями! — а по-настоящему, по-свободному, вкалывают только те частные предприниматели, что не знают выходных и праздников, а сами работают по двенадцать часов в сутки.

На том конце провода голос продолжал благожелательно:

— Наши сотрудники в своих работах уже дважды опирались на ваши выводы... да-да, читают академические журналы!.. вот наконец заинтересовались вами всерьез. В том смысле, что хотели бы переманить вас к себе.

Сердце мое начало стучать быстрее, сперва недоверчиво,

затем с возрастающей надеждой. Неужели удача постучалась ко мне сама, а не мне, как обычно, обивать пороги и выслушивать где вежливый, а где и хамовитый отказ? А здесь не просто «изволить принять», а использовано такое лестное слово, как «переманить»...

Я совладал с голосом и поинтересовался как можно равнодушной:

— А что за фирма? Чем занимаетесь?.. Я все-таки слишком... теоретик. Не умею ни копать, ни рыть. Мне трудно представить себе, что где-то есть работа именно по моему профилю.

С того конца провода донесся смешок.

— Представьте себе, у нас как раз работа по вашему профилю! Да и плохие мы были бы коммерсанты, если бы доктора наук приглашали на работу копальщика или рыльщика. Давайте договоримся о подходящем для вас времени, когда вы сможете подъехать для переговоров...

Я сглотнул слюну, ответил все-таки чуточку охрипшим голосом:

— Да я, как теоретик, всегда свободен. Так что могу завтра. В какое время вам удобно?

— Давайте в шестнадцать сорок? — предположил голос, но я чувствовал, что это не предложение или пожелание, а прямое указание, когда и в котором часу предстать, вытянув руки по швам. — Надеюсь, высвободите полчаса на это время.

— Высвобожу, — пообещал я послушно.

— Вот и хорошо, — произнес голос, — тогда до завтра. Запишите адрес...

Я слушал, чувствуя, как сердце начинает стучать чаще, вдруг это и есть долгожданный шанс, который каждого посещает раз в жизни, здесь главное — не упустить... но это стремление телеканальные идиоты-ведущие тоже используют для дурацких приколов, над которыми потом ржут слесари-водопроводчики, их основная аудитория, потому я совладал с дрожью в голосе и ответил как можно спокойнее:

— Хорошо, давайте ваш телефон, перезвоню.

— Пишите, — ответили на том конце провода. — Мой мобильный...

— Нет-нет, — сказал я, — дайте официальный телефон фирмы. Который в справочниках.

— А-а-а, — ответил голос после короткой паузы, — вот вы зачем... Все понятно, вы абсолютно правы. Записывайте... Если заблудитесь, перезвоните вот по этому номеру. Вам объяснят, с какой стороны проще подъехать, а то у нас движение затруднено, а стоянка только для наших сотрудников.

Записывая первые три номера, я одновременно кликнул по яндексу, выпрыгнула искомая страница. Да, телефоны существуют, организация такая тоже есть. Располагается в достаточно приличном здании в центре, а это немалые деньги за аренду. Так что не бедные.

— Разберусь, — пообещал я.

— Тогда до завтра.

— До завтра, — ответил я.

На том конце щелкнуло, я остался с трубкой в руке, а потом опустил на рычажки с такой осторожностью, будто это неразорвавшийся снаряд Второй мировой. В череп полезли мысли о розыгрыше, это могли быть коллеги по кафедре, меня не слишком жаловали: я не прогнулся под нажимом Кокошина, а остальных он заставил работать по его темам, создавая таким образом «школу». Понятно, что я, как живой укор, всем мозолил глаза. Впрочем, теперь меня нет, заноза исчезла, а сам по себе я никому на кафедре не насолил и не стал врагом, чтобы мне мстили и после ухода.

ГЛАВА 2

Полночи я проворочался, пытаюсь заснуть, но сердце стучит так громко и требовательно, что я встал, ноги понесли к компу, а там необъятный сладостный мир инета... но заставил себя свернуть на кухню, руки так тряслись, что едва не выронил аптечку, из которой умею пользоваться только анальгином.

Принял таблетку, за неимением снотворного, и, странное дело, анальгин, расширив сосуды, заставил тело расслабиться. Я наконец заснул, хотя уже почти утро, а проснулся достаточно свеженький и уже взбудораженный, посмотрел на часы, раннее утро. В ванной из зеркала взглянуло бледное лицо ин-

теллигента, небольшие круги под глазами, морда вытянулась, но начальнику отдела кадров, думаю, по фигу, как выглядит претендент на свободную вакансию, лишь бы пахал и не слишком закладывал за кадык.

Время тянулось настолько мучительно медленно, что, даже погрузившись в инет, я время от времени в недоумении и беспокойстве поглядывал на часики в уголке экрана: время замедлилось или же мои реакции настолько взметаболизировали?

За час до шестнадцати я уже стоял на троллейбусной остановке, шесть остановок до станции метро, там еще восемь перегонов, пересадка на другую ветку, четыре перегона, и я вышел в двух кварталах от указанного адреса. Старый центр, улочки тесные, кривые, машинами заставлено все пространство, пешеходы едва протискиваются под стенами: автомобили заполонили и тротуары. Будь у меня машина, пришлось бы оставлять ее бог знает где, а потом ножками-ножками.

Красный забор, красный кирпичный старинный храм, явно относится к памятникам, охраняемым государством, так как не видно ни попов, ни богомольных сварливых бабок. В глубине скромно расположилось добротное здание старой постройки, недавно отштукатуренное, но небрежно, на скорую руку и кое-как, явно гастарбайтерами из южных республик, никогда не державшими в руках кисть и мастерок. У подъезда слева тускло поблескивает медью небольшая доска.

Я прочел дважды: «Благотворительный фонд содействия укреплению связей между культурами», всерьез встревожился, все только и говорят, что через такие вот благотворительные фонды отмываются громадные бабки. Не хотелось бы держать ответ перед судом за растраченные деньги, которых в глаза не видел, в то время как хозяева фонда положат в швейцарский банк очередные пару миллиардов долларов.

Три ступени ведут к массивной двери, я потянул за ручку, заперто. Слева от двери вмонтированный в стену черный ящик с темным блестящим «глазком» телекамеры и решеткой переговорного устройства. Приосаниваться поздно, рассмешу, если кто сейчас наблюдает за мной, я просто нажал кнопку звонка.

Через мгновение из решетки раздался суровый мужской голос:

— Ваше имя?

— Евгений Черкаш, — ответил я. — Звонивший отсюда, правда, меня назвал Юджином.

Мужской голос ответил с пониманием:

— Они все русские имена на свой лад переводят. Я — Василий, так они меня зовут Бэзиллом... Входите!

Щелкнуло, дверь чутьочку отодвинулась. Я потянул на себя, чувствуя, что открываю люк в башню крейсера, переступил порог. Справа в небольшом холле мужчина в униформе охранника поднялся из-за барьера, глядя сурово и требовательно.

— Паспорт?

— Пожалуйста.

Он быстро просканировал взглядом страницы, я стоял смиренно, не желая отвлекать неосторожным движением, а то вдруг подумает, что выхватываю из-под полы автомат.

Наконец он вернул документы и кивнул в сторону коридора:

— Прямо, а там скажут.

Я молча двинулся в указанном направлении. Очень добротно и некричаще отделано, чувствуются действительно большие деньги. Был как-то в одной богатой фирме, так там буквально все кричало о роскоши, о богатстве, о виллах на Канарах, а здесь все достойно, достойно.

В конце коридора нечто вроде кабинета, но вместо стены стойка мне по пояс. По ту сторону за столом перед экраном компьютера высокая золотоволосая девушка с крупным породистым лицом валькирии. Она вскинула на меня глаза, голубые на загорелом лице, высокие скулы аристократки и выступающая нижняя челюсть воина, плечи пловчихи, а крупной груди позавидует Памела Андерсон. У сидящих трудно определить рост, но, пожалуй, выше меня на полголовы.

— Да? — спросила она вопросительно. — Чем могу помочь?

Я опомнился, развел руками.

— Простите, засмотрелся. Вы не снимались в «Нибелунгах»?.. Мне назначил встречу господин Кронберг.

— Минутку, — ответила она, взгляд перепрыгнул с моего лица на экран, пара переключений, она кивнула: — Да, поднимайтесь на второй этаж.

— Благодарю, — ответил я с поклоном.

По лестнице поднимался, чувствуя на спине ее взгляд и очень довольный собой, что так умело ввернул насчет «Нибе-лунгов». Вообще-то я всегда запаздываю с комплиментами, как и в отношениях с женщинами, но, к счастью, время патриархата прошло. Теперь если постесняюсь подойти к понравившейся женщине, то она сама подойдет, познакомится, позовет к себе потрахаться, а то и оттрахает тебя тут же за углом. Словом, хорошее пришло время.

Лестница вывела в небольшой чистый светлый холл, за большим столом миниатюрная девушка с башенкой блестящих, как крыло новенького «мерса», черных волос. Похоже, подняла повыше, чтобы компенсировать рост, сейчас все комплексуют, что у них не метр восемьдесят пять — необходимая планка, чтобы предложить себя в манекенщицы.

Она посмотрела на меня, улыбаясь и вся лучась радостью, словно увидела старого друга.

— Вы пунктуальны, — сказала она щебечущим голосом.

— Спасибо, — ответил я. — Я этот... э-э... Евгений Черкаш.

— Я знаю, — сообщила она так же радостно и посмотрела словно бы с укором, как я мог подумать, что такого замечательного парня она не знает. — Да-да, вам назначено.

— Спасибо.

Однако, взглянув на часы, она сказала уже более деловито:

— Вас ждут, однако... минуту.

— Я подожду, — ответил я поспешно.

Она нажала клавишу, произнесла отчетливо:

— Господин Черкаш в приемной.

Я рассматривал ее, чувствуя некоторое несоответствие ее внешности довольно скромному состоянию здания. Хотя здесь, в старом центре, все стоит баснословно дорого, но такое впечатление, что фирма не слишком богата, в то же время обе секретарши производят впечатление молодых герцогинь. Если на конкурсах «Мисс Вселенная» и не заняли бы первые места, а довольствовались разве что пятыми-шестыми из-за недос-

тата в облике блинности, то по манере держаться, осанке, полному достоинства облику и вообще ауре — самый высший свет.

Она взглянула на меня внимательно:

— Заходите. Только господин Кронберг очень занятый человек, не засиживайтесь.

— Учту, — ответил я кротко.

Она не поднялась, чтобы распахнуть передо мною дверь, я сам потянул за литую медную ручку, не слишком массивную, не слишком вычурную, а в самый раз для здания средней ветхости и фирмы среднего достатка.

Кабинет неширок, просто большая комната, на полу дешевая дорожка. За массивным письменным столом сидит мужчина и, скосив глаза на дисплей, что-то выстукивает одним пальцем на клавише.

Я медленно пересек пространство, он кивнул, не отрывая взгляда от невидимой для меня картинки.

— Садитесь. Я сейчас закончу...

Будь эта фирма еще ниже достатком, я бы решил, что меня выдерживают, чтобы дать понять свою значимость, но тогда бы начали выдерживать еще в приемной, да и этот господин Кронберг не выглядит человеком, склонным к таким дешевым штукам.

Настоящий английский аристократ той эпохи, когда Англия еще была Англией, а не пуделем, пристегнутым к американскому бронетранспортеру. Тогда ни один англичанин, разговаривая с кем-то, не держал руки в карманах, раньше такое было бы равносильно самоубийству для джентльмена. Я когда смотрю на нынешнего премьера Англии, сразу вижу, что он кандидат от лейбористов, то есть рабоче-крестьянской партии, и потому чешет свои фаберже в присутствии и на виду на полном рабоче-крестьянском основании: принимайте меня таким, какой я есть, и сами того... не стесняйтесь, мы же от обезьяны.

Этот же строг и величественен, хотя не на троне, а за компьютером, да еще одним пальцем. Умное удлиненное лицо сосредоточено, на лбу складки, одет безукоризненно, я не вижу его носки, но уверен, что в цвет и тон галстуку. Если, конечно, их

под цвет галстука кто-то подбирает. За столом сидит не по-тониблэрски, а с прямой спиной, плечи развернуты, словно десятки фотокорреспондентов снимают его для обложки журнала, который разойдется среди своих, а не среди лейбористски настроенных тониблэров.

По заключительному движению я понял, что он энтерякнул, лицо просветлело, но не от вспыхнувшего экрана, это только в кино дисплей освещает работающего, подобно фарам автомобиля, просто чуть-чуть расслабился и даже улыбнулся, довольный результатом.

— Простите, — сказал он, переводя взгляд внимательных серых глаз на меня, — что задержал. Итак, господин Черкаш, сразу к делу, если вы не против.

— Да-да, — сказал я торопливо, — буду рад...

— Один наш сотрудник, — продолжил он, рассматривая меня спокойно и бесстрастно, — как-то наткнулся на ваши работы, творчески использовал одну из ваших идей... и она увенчалась успехом.

— Рад...

— Мы тоже рады. Получилось так, что мы обратили на вас внимание. И сейчас намерены предложить вам работу.

— Спасибо, — сказал я растерянно, так как он сделал паузу в ожидании моей реакции, — но я... гм... очень уж кабинетный исследователь... Для любого бизнеса я камень на шее.

Он коротко улыбнулся и продолжил чутьчку снисходительно:

— Я просмотрел вашу последнюю работу. Весьма, весьма... Мне понравилось.

— Это о нерентабельности рабского труда в Римской империи?

Он снисходительно улыбнулся.

— О нерентабельности рабского труда вообще. Ту вашу работу я не читал, понятно, все не охватить, а вот о новейших методах экономического стимулирования я просмотрел внимательно.

Я сказал польщенно:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил он великодушно. — Ваша работа

того стоит. Написана простым и понятным языком, как могут излагать только умные люди, которые знают предмет. Вы довольно зло и круто разделались с теориями, что рабовладение пало под натиском бунтов, революций и освободительной борьбы. А также общей гуманизации общества и всяких там просветительных идей...

Я настороженно помалкивал, но он посмотрел на меня с ожиданием, и я тихонько вякнул:

— Насчет просветительных идей, это касается освобождения рабов в Северной Америке, уже девятнадцатый век.

— Но и тогда, как вы пишете, это была вовсе не гуманитарная, как сейчас бы сказали, акция?

Я осмелился тихонько пожать плечами.

— Нет, конечно. Никакие силы не освободили бы рабов, если это не было бы выгодно самим рабовладельцам. В историю, к сожалению, привносят слишком много поэзии.

Он кивнул, сказал с удовольствием:

— Вот-вот, поэзии. И некоторой, я бы сказал, идеализации. Как сверхгуманности идеалистов, настаивающих на освобождении рабов, так и мощи революционного движения самих рабов. Вы блестяще показали, что все делалось и делается всегда по желанию рабовладельцев, которые просто стали капитанами бизнеса, основанного на еще более жестокой эксплуатации «свободных людей». И сейчас эти рабовладельцы, будем говорить откровенно, продолжают придумывать новые экономические модели, чтобы заставить «свободных» работать еще и еще больше... Не так ли?

Я кивнул.

— Да, господин Кронберг, вы поняли совершенно верно. Сейчас придумываются новые и новые мотивации, чтобы принудить людей трудиться еще более каторжно. Как никогда не трудились рабы.

— И как заставить их трудиться невозможно, — добавил он.

— Вы абсолютно правы.

— И в то же время, — уточнил он, — чтобы люди чувствовали себя свободными делать, что сами хотят?

— Но делали нужное хозяину, — добавил я услужливо. — Вы абсолютно правы, хозяин сейчас всего лишь называется

уже не рабовладельцем. Он сумел сложить заботу о рабах на самих рабов. Теперь раб не только сам заботится о пропитании, одежде и жилье, но и сам спешит на работу, старается ухватить ее побольше! Это и было всегда мечтой рабовладельца, но осуществиться смогли ее только сейчас.

— Вот-вот, — сказал он понимающе, — это и привлекло наше внимание к вашим работам... Не только четкое и ясное объяснение, почему рабов отпускали на свободу даже в Древней Греции и Риме, почему дикая Европа, где рабства не было изначально, быстро догнала и обогнала, а затем и разгромила рабовладельческий Рим, но и все остальные случаи, когда рабы в южных штатах Америки работали гораздо хуже тех, кто получил свободу, и оказалось экономически выгоднее дать им свободу всем... А главное, что только вы сделали проекцию на наше время: чем выше степень свободы простого человека, тем больше сможет сделать, поработать, дать продукции...

Я слушал настороженно, мозг разогрелся от попыток понять, как все-таки можно мои отвлеченные академические занятия наукой присобачить к сегодняшней рыночной экономике.

Он тоже замолчал, словно ожидая моей реакции, а я замер в мучительном ожидании, все еще не веря в чудесный шанс, в избавление свыше, в этого *deus ex machina*. Все-таки моя дисциплина чуть ли не единственная на свете, что ну никак не прикладная. Сейчас все прикладное, даже ученые-пауковеды, что всю жизнь занимались исследованием задней лапы паука-охотника и писали на эту тему толстые диссертации, начинают в духе времени доказывать, что их исследования применимы для развития бионики, для внедрения новых технологий, основанных на двигательных сокращениях лапы, потому что паук прыгает, оказывается, не силой мышц, а мгновенным повышением кровяного давления в лапах, что нашим машинам позволило бы перепрыгивать сорокаэтажные дома.

Но я не могу придумать даже такое, моя дисциплина абсолютно академична, я уж и не представляю, как эти толстосумы намереваются приспособить мои знания. Разве что дадут лопату и пошлют копать от забора и до обеда, но и для этого проще нанять мигрантов... Впрочем, как известно, интеллигентный

человек даже канаву выкопает быстрее и лучше, чем стандартный работяга, которому надо успеть пару раз сбежать за водой, двенадцать раз покурить и несколько раз сходить в бытовку полапать кладовщицу Маньку.

Так что да, могут дать и лопату...

Он рассматривал меня очень внимательно, я чувствовал себя, словно боярин под пронизательным взором Ивана Грозного.

— На вас получены самые хорошие характеристики, — заметил он, — но я предпочитаю старые испытанные методы. Бывает, посмотришь на человека и сразу видишь, кто он и что, а все бумаги, которые собрал и принес, — липа, хоть и настоящая. Да-да, бывает такое, дипломы и награды настоящие, а все равно липовые.

Он помолчал, ожидая моей реакции, я спросил настороженно:

— Хорошие? Характеристики?

— Представьте себе.

— Господи, откуда?

Он чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

— У нас свои каналы.

Я сказал скромненько:

— Да сейчас почти все лауреаты — липовые. А те, кто чего-то стоит, безгловато сторонятся такой известности.

Он поинтересовался:

— Вы тоже сторонитесь?

Я ощутил ловушку, ответил осторожно:

— Нет, просто работаю. Мне моя работа нравится. А что меня не увенчивают дипломами... ну и ладно. Мне и без них хорошо. Работе это не помогает и не мешает.

Серые глаза всматривались в меня с интенсивностью даже не рентгеновского аппарата, а чего-то помощнее, вроде гамма-излучателя.

— Мы хотим вам предложить работу, — проговорил он наконец. — К стыду своему, должен сообщить, что вас заметили не здесь, под боком, а ребята из Гарвардского университета. Хотя они тоже наши... Сообщили, порекомендовали. Правда, мы тоже кое-что замечаем у них под носом, чего они не видят.

ГЛАВА 3

От его слов повеяло большими деньгами, сердце забилося чаще. Кончики пальцев возбужденно зачесались, словно уже пересчитывают крупные купюры.

— У вас, — сказал я осторожно, — большая фирма... наверное.

Он чуть раздвинул в улыбке губы.

— Давайте сперва о том, что мы можем вам предложить. Первое: зарплата у вас будет... сколько получаете сейчас?

— Триста долларов в месяц, — ответил я, умолчав, что уже не получаю.

Он кивнул, лицо не изменилось, когда проговорил:

— Ну, мы можем предложить вам в десять раз больше. Например, три тысячи устроит? Хотя что мелочиться?.. Пять тысяч долларов. Плюс — любая машина, квартира в престижном доме... сами подберете варианты, платиновая карточка, авиабилеты на все рейсы в любые точки мира... и прочая ерунда, отсутствие которой не должно беспокоить творческого человека. У него просто все должно быть, чтобы не обращал на быт внимание, а занимался делом. Не так ли?

Я, потрясенный, словно на полном ходу ударился на мотоцикле о стену, пробормотал:

— Это теория... На самом деле даже творческие люди, получив большие деньги, либо спиваются, либо бросают работу.

— Рад, что вы это учитываете, — сказал он.

— Да что учитывать... Насмотрелся.

— Понимаю вас, — сказал он сочувственно. — Но ваш психологический портрет говорит, что вы весьма устойчивы к таким соблазнам.

Я осмелился чуть-чуть пожать плечами.

— Вряд ли это устойчивость. Я не такого высокого мнения о своей железной выдержке. Просто я люблю свою работу, а это перевешивает другие соблазны.

Он коротко взглянул на экран компьютера, снова кивнул.

— Да. Совпадает.

Он чуть улыбнулся, и я осмелился поинтересоваться:

— Неужели там моя медицинская карточка?

Он кивнул.

— Здесь больше, чем карточка. У вас прекрасный показатель искренности. Практически вы ни в одном слове не соврали, не преувеличили, не преуменьшили! А вы же знаете, что никогда человек не бывает так близок к идеалу, как при заполнении анкеты для приема на работу.

— И все равно, — сказал я, — что-то слишком высокая у вас зарплата для человека моего уровня. И все эти бонусы, словно я управляющий банком. Такое ощущение, что вы меня с кем-то спутали.

Он покачал головой.

— Нет-нет, с финансами все верно. Но я благоразумно не упомянул о том, с чем это связано. Сперва, так сказать, сладкую и очень крупную морковку, а потом — хомут на шею. Дело в том, что будете допущены к очень большим тайнам.

Я вздрогнул.

— Тайные службы? Нет-нет, никакого ФСБ, КГБ, ГРУ, ЦРУ или Штази!... Я всего этого боюсь и не хочу!

— Штази уже давно нет, — ответил он со вздохом. — Как и ГРУ фактически уже не разведка, а черт-те что. Правда, у нас с ними абсолютно ничего общего. Но вы знаете, что даже парфюмерные или автомобильные фирмы, неважно, охраняют свои коммерческие тайны с большим тщанием, чем государственные? Государственные — это государственные, их не жалко, а свои — это о-го-го! Если вовремя подсмотреть дизайн нового авто у конкурента, ему можно нанести ущерб в десятки миллиардов долларов!

Я перевел дыхание.

— Так, значит, вы...

Он вскинул руку.

— Не скажу ни слова, прежде чем вы не подпишете договор о неразглашении.

Меня внезапно обдало холодом.

— А жить где должен?

Он улыбнулся.

— Подумали про Лос-Аламос и прочие закрытые города? Успокойтесь, будете жить здесь, в Москве. А если хотите, в

Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Мадриде... да в любой точке земного шара. Сейчас, как знаете, очень модно продавать однокомнатную в Бутове и покупать на вырученные деньги большой дом в Арабских Эмиратах. А вам и продавать не надо: мы подберем квартиру в любом месте, чтобы вам самому не возиться. Разумеется, все за счет фирмы.

Я пробормотал:

— Все страшнее и страшнее... Что я должен делать?

— В основном то же, чем и занимались. Ну разве что в срочном порядке проводить какие-то исследования по вашей же специальности. И, конечно, выдавать рекомендации.

Я прошептал:

— Боюсь и представить, что это за работа.

— Вы ею уже занимаетесь, — сказал он покровительственно. — Так что подумайте. И еще один момент, очень неприятный, если вы общечеловек или «зеленый». Ввиду риска потери важных данных вы будете постоянно... под наблюдением. Нет, за вами не будет ходить угрюмый тип в длинном пальто с поднятым воротником. Его прекрасно заменили высокие технологии. Я имею в виду, что в вашу одежду будут вмонтированы микрофоны и даже видеокамеры. Сейчас они достигли размеров макового зерна, так что заметить просто нереально.

Он молчал, всматривался в меня уже не так интенсивно, но изучающе, а я старался держать лицо неподвижным, чтобы он не понял, что думаю на самом деле.

— Согласен, — сказал я наконец.

Он помолчал, спросил с некоторым недоверием:

— Уверены? Вопросов больше нет?

— Пока нет, — ответил я честно. — Потом будут, это естественно.

— Естественно, — согласился он. — Что ж, наши аналитики не ошиблись в вашей реакции насчет прослушивания. Кого-то бы она удивила. Хотя вообще-то ваш ответ очень уж... нестандартен. Большинство начинают гневно говорить о неприкосновенности частной жизни...

Он замолчал, глядя вопросительно. Я ответил, не раздумывая:

— Я прекрасно понимаю, что подобная неприкосновен-

ность — пережиток прошлого. Мы не в лесу живем! С каждым годом и даже месяцем будем жить все больше на виду. Уже сейчас из-за мобильных со связью третьего поколения муж может контролировать жену, а она в состоянии в любой момент проверить, на службе он или развлекается с девочками в сауне.

Он усмехнулся.

— Я рад, что вы это принимаете так спокойно.

— Да не спокойно, а просто нормально!

— Ну, мужчинам мобильники с видеосвязью потому и не нравятся, что скрываться труднее.

— Никаких претензий, — сказал я с жаром. — Завтра будут видеть не только меня в постели или в туалете, но и все мои анализы... Как и любого другого. Открытость неизбежна. Частной жизни в старом значении этого слова не будет, это точно.

— Очень хорошо сказано, — проговорил он в раздумье. — Вы вообще-то должны так сказать, если хотите получить у нас работу, но... вы говорите искренне, потому что именно так и думаете. Кстати, вот договор, просмотрите и подпишите. На каждой странице.

Страниц оказалось всего две, это приятно удивило, сейчас ларек по торговле зажигалками, заключая договор о сотрудничестве с другим ларьком, составляет его на двадцати страницах убористого текста с множеством статей, подстатей и всевозможных оговорок.

Ничего нового я не увидел в сравнении с тем, что сказал Кронберг, подписал в нужных местах. Он взял оба экземпляра, прочел, удовлетворенно кивнул, затем, к моему изумлению, сложил бумажные листы вчетверо и опустил в скромного вида большую пепельницу в виде золотой жабы. Я непонимающе смотрел, как он коснулся передней правой лапы. В пепельнице мгновенно взвился короткий дымок и сразу рассеялся.

Кронберг тщательно растолок пепел, нажал задние лапы, и пепел исчез, превратившись в легкое колечко дыма, какие любят пускать курильщики.

Я смотрел изумленно, он повернул в мою сторону голову, серые глаза внимательно осмотрели мое лицо.

— Изумлены, хорошо. Но вопросов не задаете. Почему?

— Секретность, — пробормотал я. — Могут выкрасть не

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ЧАСТЬ I

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	73
Глава 10	82
Глава 11	91
Глава 12	98
Глава 13	108
Глава 14	115
Глава 15	123
Глава 16	135
Глава 17	145

ЧАСТЬ II

Глава 1	152
Глава 2	159
Глава 3	167
Глава 4	175
Глава 5	182
Глава 6	190

Глава 7	197
Глава 8	203
Глава 9	210
Глава 10.	217
Глава 11.	226
Глава 12.	234
Глава 13.	242
Глава 14.	249
Глава 15.	254
Глава 16.	261

ЧАСТЬ III

Глава 1	271
Глава 2	278
Глава 3	285
Глава 4	293
Глава 5	300
Глава 6	313
Глава 7	317
Глава 8	325
Глава 9	334
Глава 10.	343
Глава 11.	351
Глава 12.	358
Глава 13.	365
Глава 14.	374
Глава 15.	386
Глава 16.	397